

Едва за Цзин Юаньци захлопнулась дверь, Ши Цин отослал ассистента, оставаясь в тишине гримёрной в полном одиночестве. Он прикрыл глаза, сосредоточившись на усвоении подробностей этого мира.

Это была история о тернистом пути к вершинам шоу-бизнеса. Главный герой происходил из весьма состоятельной семьи. Едва окончив университет, он в пух и прах разругался с родными и, ведомый упрямством, бросил стезю коммерческого гения ради мечты об актёрстве. Уйдя из дома, юноша подался в индустрию развлечений, где меньше чем за полгода превратился из неизвестного новичка в одного из самых востребованных артистов.

Разумеется, дело было не только в таланте. Несмотря на разрыв с семьёй, его связи с друзьями детства — такими же наследниками влиятельных кланов — никуда не делись. В своих семьях эти юнцы считались младшим поколением, но во внешнем мире их почитали как влиятельных господ, чьё слово имело огромный вес, особенно в сфере искусства. Разумеется, они всячески опекали своего друга.

Однако у скрытого покровительства «золотой молодёжи» была и обратная сторона: протагониста часто принимали за одного из тех, кто торгует собой ради выгодных контрактов. Этому способствовала и его выдающаяся внешность: высокий рост, благородный разлёт бровей и лучистые глаза с пленительным прищуром. Его взгляд казался насмешливым, даже когда он был серьёзен, а безупречное телосложение притягивало взоры, выделяя его даже среди признанных красавцев.

В результате многие из тех, кто не питал симпатии к актёру, — включая и самого Киноимператора, — считали его обычным «пушечным мясом», баловнем судьбы, чей мимолётный успех зиждется лишь на смазливом личике.

В оригинальном сюжете путь Цзин Юаньци должен был стать дорогой триумфа: блестящее восхождение на пик славы и последующее создание собственной бизнес-империи. Однако автор, возможно, прописал героя слишком детально, и этот вымышленный мир обрёл плоть, превратившись в самостоятельную реальность. А реальность, как известно, бывает куда беспощаднее любых драм.

Главный герой погиб от рук финального босса этой истории. По первоначальному замыслу этот антагонист, несмотря на своё колоссальное влияние в шоу-бизнесе и знатное происхождение, должен был раз за разом терпеть неудачи, пока в финале его не сокрушили бы окончательно. Но как только мир стал реальным, злодей не стал дожидаться, пока его противник наберёт силу, и просто нанял убийцу.

Смерть протагониста привела к краху всего мира, и всё сущее обратилось в прах.

Система терпеливо дождалась, пока Ши Цин изучит историю до конца, и, заметив, что он открыл глаза, оживлённо затараторила:

[Хозяин, ваша задача предельно проста: защитить главного героя и в течение месяца снизить Степень отторжения хотя бы до пятидесяти процентов!]

После предыдущего мира она окончательно признала в Ши Цине истинного лидера и теперь послушно ждала момента, когда можно будет расслабиться и праздновать победу.

Ши Цин вальяжно откинулся в кресле.

«Системка, душа моя... А угадай-ка, кто в этом мире тот самый великий и ужасный "финальный босс"?»

Система, внезапно почуяв неладное, жалобно пискнула:

[Я... я не знаю, у-у...]

«Это я»

[...]

«Сюрприз! Не ожидала?»

Ши Цин принялся неторопливо перебирать фрагменты памяти носителя, продолжая рассуждать:

«Если в прошлый раз мне досталось тело того, кто ещё не успел натворить дел, то теперь прогресс налицо. До нашего появления этот субъект уже успел совершить всё, что только можно.

Он строил из себя звезду первой величины, травил новичков... Дай-ка посмотрю последнее достижение... Ага, помимо фокуса с перцем, было ещё кое-что. Узнав, что Цзин Юаньци собирается на пробы в крупный проект — ту самую дораму, которая приносит славу любому, кто в ней снимется, — наш Киноимператор решил использовать все свои связи, чтобы вышвырнуть его из актёрского состава»

Система долго хранила молчание, прежде чем решилась осторожно спросить:

[А он... он ведь не знает об этом?]

Ши Цин безжалостно развеял последние надежды:

«Прекрасно знает. Иначе откуда бы, по-твоему, взялась Степень отторжения в сто процентов?»

[У-у-у... Хозяин, может, уйдём отсюда? Мы ведь заработали баллы в прошлом мире, ну их, эти новые награды, переживём как-нибудь]

«С чего бы это мне уходить? Чем сложнее задача, тем интереснее её решать. Но прежде... Сделай так, чтобы мои болевые рецепторы стали менее чувствительными. И выдай мне стальной желудок»

Услышав, что они остаются, Система вновь приободрилась и с радостью начала процесс обмена:

[Хозяин, притупление болевого порога — процедура бесплатная. А стальной желудок мы обменяем на ваше чувство вкуса]

«Действуй»

Проведя манипуляции, Система всё же не удержалась от любопытства:

[Про желудок я понимаю, но зачем нам отключать боль? Как это поможет заданию?]

«Потому что я забыл, что вкус острого перца — это на самом деле болевой сигнал. Я сейчас просто сгорю заживо»

[...]

Её хозяин был воистину безжалостен к самому себе.

Ши Цин поднялся, оправил одежду и снова посмотрел в зеркало. Объективно говоря, это лицо было чертовски хорошим. Несмотря на то что носителю было почти тридцать, благодаря безупречному уходу его кожа была белой и гладкой, черты лица — яркими и благородными, а губы, даже без грамма грима, сохраняли естественный оттенок нежных лепестков.

Беда была лишь в том, что оригинальный владелец тела был человеком крайне угрюмым. Он с нескрываемым презрением относился ко всем, кто стоял ниже его на социальной лестнице, и вечно ходил с ледяной маской на лице. Даже если природа наградила его внешностью на десять баллов, эта мрачность срезала добрых три пункта. Поэтому среди фанатов было не так много тех, кто восхищался его красотой; большинство просто любили его экранные образы.

Ши Цин вкратце восстановил в памяти предысторию этого человека. Его семья была действительно влиятельной — даже богаче, чем у главного героя. Вот только мать рано ушла из жизни, а мачеха привела в дом своего сына. И хотя тот не был связан с отцом Ши Цина кровными узами, он обладал талантом льстеца: умел вовремя сказать нужное слово, окружив старика такой заботой, что тот души в нём не чаял.

Носитель, разумеется, снедаемый ревностью, несколько раз пытался подставить сводного брата, но каждый раз оказывался в проигрыше: тот ловко оборачивал ситуацию против него и бежал жаловаться отцу. Будучи единственным любимцем, он не вынес упрёков и в гневе ушёл из дома. В этом их судьбы с Цзин Юаньци действительно перекликались.

Однако оригинальному Ши Цину повезло больше: отец не держал на него зла. Несмотря на побег в шоу-бизнес, старик продолжал негласно использовать свои связи, чтобы оберегать его карьеру и помочь сыну стать Киноимператором.

Но из-за конфликта со сводным братом характер владельца тела становился всё более тяжёлым. Он терпеть не мог открытых и жизнерадостных людей — ведь его соперник каждый день сиял от счастья, а его язык был способен превратить ложь в истину, а мёртвое — в живое. Более того, Киноимператор не выносил никого, кто был бы талантливее его самого. Стоило ему заметить хотя бы крупицу чужого превосходства, как он пускал в ход все средства, чтобы раздавить конкурента.

Цзин Юаньци, привыкший держаться вызывающе и обладавший истинным даром, был для оригинального хозяина воплощением всего самого ненавистного. Увидев в нём «такую же мерзкую выскочку, как и братец», он начал действовать без промедления. И чем больше вредил, тем сильнее ненавидел юношу, пока дело не дошло до того, что он стал желать ему скорейшей кончины.

Разумеется, подобная логика — растоптать человека лишь за то, что он лучше тебя, — казалась со стороны безумием. Но носитель искренне верил, что не делает ничего предосудительного. Он с детства рос в роскоши, привыкнув получать всё, что пожелает. Разве зазорно раздавить муравья, который тебе не по нраву?

Цзин Юаньци был для него самым крупным муравьём из всех.

Когда Ши Цин вышел из гримёрной, Гао Чжи уже ждал у дверей. Завидев актёра, ассистент тут же поспешил навстречу:

— Ши-гэ, ваши сцены на сегодня закончены. Возвращаемся в отель?

Этот помощник был совсем новичком. Предыдущие работники не задерживались у Ши Цина надолго — он увольнял их одного за другим. Из-за того, что никто из подчинённых не мог продержаться дольше месяца, в индустрии его за глаза прозвали «Текучкой кадров».

— В отель не поедем. Побуду ещё здесь.

Ши Цин бросил холодный ответ и мельком взглянул на парня:

— Как тебя зовут?

Ассистент про себя подумал: «Ну наконец-то! После трёх дней службы вы соизволили поинтересоваться моим именем!» — но вслух ответил с самым почтительным видом:

— Меня зовут Гао Чжи. Можете звать меня просто Сяо Гао, Ши-гэ.

— М-м.

Ши Цин ответил коротким мычанием.

Сяо Гао украдкой взглянул на ленивую позу своего начальника и признал: слухи не врут. Этот господин действительно невыносим в общении. Хотя юноша работал на него уже три дня, первые двое суток он только и делал, что бегал с поручениями, почти не сталкиваясь с Киноимператором. Сегодня же ему впервые удалось поговорить с ним с глазу на глаз, и первым же заданием стало подмешать концентрированный сок демонического перца в еду молодого актёра.

Поначалу парень решил, что столкнулся с типичными интригами коллег. Он не стал строить из себя праведника и протестовать — вместо этого послушно купил экстракт и добавил его в порцию Цзин Юаньци. Когда он только пришёл в профессию, старшие наставники ясно дали понять: в этом кругу полно грязи. Если хочешь сохранить работу, пока дело не доходит до уголовщины, просто делай, что велят. В конце концов, в этом городе с его заоблачными ценами остаться без работы — значит оказаться на улице.

Он уже было приготовил в душе траурную речь для Цзин Юаньци, но события приняли совершенно неожиданный оборот. Во-первых, объект его жалости не стал терпеть и пошёл на открытый конфликт. А во-вторых, Ши Цин, который и задумал эту пакость, взял и съел ту самую порцию с перцем.

Это же был демонический перец!

Гао Чжи перед покупкой специально почитал отзывы в интернет-магазине. Люди писали страшные вещи: губы-пельмени, невыносимые боли... зрелище не для слабонервных. Эту бутылочку он добавил собственноручно и мог поручиться — после первой же ложки любой человек проклял бы тот день, когда родился.

Но Ши Цин съел всё до конца, и на его лице не дрогнул ни один мускул...

Ассистент снова бросил на него косой взгляд, всерьёз опасаясь за сохранность желудка своего босса.

А Ши Цин чувствовал себя превосходно.

Когда Цзин Юаньци снова увидел Ши Цина, Киноимператор всё так же сидел в кресле,

расслабленно откинувшись на спинку. Лицо его было бесстрастным, он о чём-то негромко переговаривался с помощником. Фигура актёра была стройной и изящной, а в лучах солнца его кожа казалась почти прозрачной. Казалось, каждая черточка его тела была создана искусным мастером: ни одной лишней детали, совершенная гармония.

Увы, чем больше его внешность располагала к себе, тем сильнее герой ощущал отторжение. Такая красота и благородство — и в человеке, который использует своё положение для травли новичков. Сама мысль об этом вызывала тошноту.

И всё же Цзин Юаньци стало любопытно, о чём Ши Цин шепчется с ассистентом. Будучи натурой несдержанной, он бесшумно скользнул поближе.

Когда он выплюнул первую ложку того обеда, ему не нужно было гадать, чьих это рук дело. Подобные пакости на уровне начальной школы в этом проекте мог устраивать только Ши Цин, который почему-то невзлюбил его с первого взгляда.

Откуда у этого «Киноимператора» такая уверенность в себе? Он что, всерьёз верит, что связи и статус позволят ему безнаказанно творить что вздумается?

Цзин Юаньци не собирался потакать чужим капризам. Он шёл в гримёрную, кипя от ярости, но Ши Цин, не колеблясь ни секунды, съел ту самую порцию, которую Цзин Юаньци не смог даже проглотить.

От этого парень, собиравшийся проучить наглеца, почувствовал себя крайне неуютно. Это было похоже на замах для сокрушительного удара, который в итоге пришёлся по воздуху. Ему до смерти хотелось узнать: Ши Цин просто притворялся или он действительно не чувствует остроты?

Герой, подобно леопарду на охоте, напряг мускулы и мягким, совершенно бесшумным шагом приблизился к Ши Цину сзади, не привлекая ничьего внимания.

Киноимператор в это время негромко наставлял Гао Чжи:

— Вкус у этого соуса неплохой. Закажи ещё целую коробку.

[...]

Вспоминая все ужасы про «сгорающий желудок», ассистент, ведомый лишь любовью к своей зарплате, стойко ответил:

— Будет сделано, Ши-гэ.

— Скажи администрации, что ужин сегодня тоже за мой счёт. Сходи, получи деньги и купи всё необходимое.

Гао Чжи, стараясь быть идеальным работником, осторожно уточнил:

— Ши-гэ... тот соус... нам всё ещё добавлять его в обед брата Цзина?

Актер затаил дыхание. Он стоял прямо за спиной Ши Цина и с этого ракурса мог беспрепятственно наблюдать за мужчиной, который даже не подозревал о его присутствии. Тот лениво развалился в кресле, полностью расслабившись. Юноша видел его маленькую светлую мочку уха и тонкую шею под мягкими волосами на затылке.

«А он... довольно симпатичный», — мелькнула невольная мысль.

В этот момент Ши Цин заговорил. И Цзин Юаньци вдруг осознал, насколько необычный у него голос: чистый и холодный, как звон драгоценных камней о нефрит. Прохладный и прозрачный — голос человека, который не желает никого подпускать к себе близко. Тон его тоже был ледяным, будто он был чем-то недоволен.

— Ему не нравится. К чему тогда эти хлопоты?

Слыша это, Цзин Юаньци невольно усмехнулся. Тон действительно звучал так, будто Ши Цин был расстроен.

Гао Чжи лишился дара речи. Выждав паузу, он осторожно напомнил начальнику:

— Ши-гэ... вообще-то... нормальным людям обычно не нравится концентрат демонического перца... не находите?

Он, застыв в тени, сверху вниз наблюдал за тем, как едва заметно дрогнули нежные губы Ши Цина. Несмотря на отсутствие мимики, актер вдруг ощутил, как от собеседника повеяло едва уловимой грустью.

Киноимператор заговорил чуть тише, словно обращаясь к самому себе:

— А я люблю.

[Динь! Степень отторжения Цзин Юаньци: 99/100]